

Из цикла «Материнство»

I

«умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...» (Бытие, 3:16)

в приёмном жарко, тикают часы,
на стенах – аллергическая сыпь
потёков краски, и на убыль ночь, не ново,
закольцовано кино,
невыносимо тянет поясницу,
и кафель сбит, и рукомойник ржав
о хватит Боже умножая умножать
всё длится боль и тикают часы и сыро у окна
и не спешит мой сын
в холодный спящий мир скорей родиться
за что ты так со мной за что же ты
накатывают волны дурноты –
мелькает лампа в перекрестьях лестниц,
боль неотступна,

не-стер-пи-мый вес

внутри меня

Да будет человек.

Три ста, пятьдесят и девять/десять.

П

и солнечная светлая палата,

и долгая беспомощная ночь,

молочный запах мокрого халата,

я первый раз сказала слово «дочь»

и удивилась новой перемене

и лёгкости свершившейся судьбы.

а май плескал черемухой весенней

в проёмы окон нежно-голубых.

Дорожная колыбельная

Ветер кутал трассу в синюю вуаль,

В звёздный ласковый люстрин

туманных сумерек.

Колыбельный ритм, древний ритуал.

Под шуршанье шин уснули – словно умерли.

Темнота. По обе стороны – пустырь.

Тьма за знак цеплялась, обрываясь ключьями,

Большелобые кабины опустив,

Фуры спят, бочины грея у обочины.

Горы дремлют, вьётся лентой серпантин

Расстилается к востоку в небо лестницей.

Спят убогие кафешки на пути,

Большегрузу вслед старуха перекрестится.

«У Надежды», «Путник», «Омни» и «Роснефть»,

Запылённые ларьки шиномонтажные.

И, к земле припав, столетне обомшев,

Деревеньки спят, завёрнутые пашнями.

Полотно дороги, в трещины осев,

Рассыпается фонарным электричеством.

И мы тоже спим на крайней полосе,
На изломанной постели металлической.

время – юркий, странный, смешной зверёк,
оглянёшься – мигом не устерёг,
сразу бег ускорит, разгон берёт,

и захочешь – не остановишь,
всё ладонью в спину – вперёд-вперёд,
свистом ветра вширь нарастает рёв,
раскалённым воздухом из метро,

да дыханьем ночных чудовищ.
а оступишься – бросит через бедро
и вокруг темно, и в глазах пестро,
и минуты нет подсчитать урон

нам под тиканье тока крови.
кто на страже взявший под козырёк,
перекрёсток судеб, прямых дорог
охраняет бёрега поперёк?

на причале не ошвартовишь.
вот отпущен срок – для тебя сберёг.
не меняй, дурёха, на блёстки грёз,
на прохладный блеск серебра серёг,

медицинскую сталь сокровищ.
время сыплет бисер, творит добро,
из историй болью дубит шевро,
не квасцом, не хромом. когда умрём,

мягко стелет нам в гроб обнову.
не просись назад – так пророк изрёк.
время хитро смотрит, глядит остро,

не сжигать мостов, не гасить костров –

так стыдней, тяжелей, виновей.
что с собой возьмёшь – то оно сожрёт,
подчистую выскребет всё нутро:
две потери, кухонный пьяный трёп,
да котомку чужих любовей.

запах первой полыни и резкий озон,
цвет черёмухи сладкий и звонкий.
утром город, омытый весенней грозой,
проявляется на фотоплёнке.
неохватное лето шумит впереди,
речка видится между домами –
и щекочет искристая радость в груди.
я иду на последний экзамен.
маслянистую зелень нальют тополя
в акварели аллей и окраин.
свойство памяти – словно вживую являть
этот свет из прохладного мая.

в пятом классе на школьном дворе
зарывали секретики в землю.
двадцать с лишним прошло сентябрёй –
как вчера помню – серые стебли,
пахнет кровью сырой чернозём –
я порезалась.
комкала фартук
и потом на уроке изо
алым капала на пол под парту.
обнаружили – уволокли
к медсестре.
только *viverem ante* –

мёртвый запах дворовой земли,
блеск стекла и серебряный фантик.

Ты думаешь, жизнь проста.
Я молод – да будет так.
Я молод – и смерти нет,
никто не придёт извне,
не цапнет из темноты,
разбив неприкрытый тыл.

Никто не умрет, никто.
Никто не поставит гроб
на дедушкин табурет.
Дорожками на ковре
уходит, уходит вре...

И будет сестрёнкин бант,
и кремовый тортполет,
и счастье, и первомай.
Причастный господних тайн,
ты знаешь, что вечен.
Знай.

Но глупо же отрицать,
что юного гордеца
уронит лицом в асфальт,
протащит о щебень лбом.
Вот так-то. Приходит боль.
И мечемся в свете фар,
и шарим во мгле свой путь
под свистом летящих пуль.
Мы смертны, и вот весь сказ.
Секундами у виска,
и каждая - прямо в цель.

Спасайся, покуда цел.
Мы скроемся в темноту,
в протяжную пустоту,
в помехи и белый шум.

Эй, старый, ты оглянись –
там кто-то тебя сменил,
собой отменяет смерть.
Извечная круговерть –
зелёные спят дворы,
на лавке - забытый Цвейг,
потёртый огромный том.
Никто не умрёт,
ник-то.

Прохладной сирени цвет.
Льёт память с покатых крыш,
И скоро придёт рассвет.

А значит - финал открыт.